

Пример народного героя туркмен Гөроглы, является одним из основных образов для воспитания нынешнего поколения молодых людей в духе патриотизма и мужества. Этот образ – воплощение богатого духовного наследия и мудрости туркмен, вдохновляет на мужество и героизм.

Источники и литература

1. Абдрасулов С.М. О духовных истоках тюркоязычных культур // Эл Аралык Турк Цивилизациясы Конгреси. Кыргыз-Турк Манас ун-га. Бишкек, 2005. II кн. С. 591-597.

2. Горкут Ата. Ашгабат: Магарыф, 1985. 86 с.

3. Гөроглы. Ашгабат: Магарыф, 1979. 635 с.

4. Кайыпов С. Киргизский эпос «Эр-Тештюк». Фрунзе, 1992. 105 с.

5. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

© Л.Т. Шаммаева, 2019

УДК 821.512.122

А.Ж. Шарип

ОБРАЗ БАТЫРА В ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ КАЗАХСКИХ ЖЫРАУ И АКЫНОВ

A.Zh. Sharip

THE IMAGE OF BATYR IN THE POETIC TRADITION OF THE KAZAKH ZHYRAU AND AKYNS

Аннотация: Статья посвящена основным принципам репрезентации образа батыра в традиционной поэзии казахских жырау и акынов XV-XIX вв. На примерах произведений в жанре толгау (стихотворение-размышление) рассматриваются идейно-художественные аспекты решения данной проблемы в контексте взаимоотношений фольклора и литературы.

Ключевые слова: фольклор, поэтическая традиция, батыр, жырау, акын, толгау.

Abstract: The article is devoted to the basic principles of representation of the image of batyr in the traditional poetry of the Kazakh zhyrau and akyns of the 15th-19th centuries. By the examples of works in the tolgaу

genre (a poem-reflection), the ideological and artistic aspects of solving this problem are considered in the context of the relationship between folklore and literature.

Keywords: folklore, poetic tradition, batyr, zhyrau, akyn, tolgau.

В процессе своего исторического развития казахская литература находилась в самых тесных связях с фольклором. Сосуществование этих двух форм художественно-культурной коммуникации во времена Казахского ханства и в последующие периоды имело важнейшие последствия для всего словесного искусства степного народа. Эта тенденция ярко отразилась в поэзии казахских жырау (поэтов-воинов, поэтов-мудрецов) XV-XVIII веков, а также акынов (народных поэтов) XIX века.

Защита Родины, единение народа – основной мотив всех казахских героических сказаний, главными действующими лицами которых выступают батыры. «Основными качествами, способствующими раскрытию всех сторон богатырского облика основного персонажа эпического повествования, являются глубокое понимание богатырем своего воинского долга перед родным народом, долга защитника родной страны, высокий гуманизм, патриотизм. Справедливость и сознание своего долга перед народом являются самыми высокими и неизменными качествами богатыря, проявляющимися во всех его поступках. Совершая подвиг, он думает не о себе, а о родной земле, родном народе» [5, с. 435].

Мотив судьбы воина и идеализация образа батыра плавно переходят из эпоса в поэзию жырау – выдвинцев степной аристократии и воспевателей военной демократии. «Многие жырау, жившие в XV-XVIII веках, были не только поэтами, но и вождями племен, предводителями племенной дружины» [6, с. 6]. Представители средневековой традиционной устной поэзии создали общепринятую модель батыра, соответствующую этическим и эстетическим идеалам кочевников Великой степи. В этом плане, известный историк А.И. Лёвшин безусловно допустил ментальную ошибку, написав, что герои эпических поэм казахов «часто подражают европейским рыцарям XII и XIII столетий» [3, с. 353].

Кочевники считали, что настоящее батырство должно быть доказано в сражениях с внешними врагами. Исторически оно может проявиться

в двух случаях: во-первых, в период завоевательных походов; во-вторых, при защите родной земли от нашествия неприятелей. Об этом широко повествуется в стихотворениях Доспамбет жырау [7, с. 35-38].

Естественно, при описании степных витязей в поэзии жырау все еще встречаются так называемые «общие места» («топосы»), присущие героическим эпосам. Они выражены стилистическими шаблонами, стандартными мотивами и словесно-поэтическими формулами.

Но в отличие от эпоса, в произведениях жырау батыр является не тем героем, который «ни в огне не горит, ни в воде не тонет» (*«отқа салса – жанбайтын, суға салма – батпайтын»*) или которого «ни пуля не пробьет, ни сабля не рубит» (*«атса – мылтықтың оғы өтпейтін, шапса – қылыштың жүзі кеспейтін»*), а обыкновенным смертным со всеми человеческими достоинствами и слабостями. Если в мифическом сюжете внешность Огыз кагана описывается так: «ноги его... подобны ногам быка, поясница – пояснице волка, плечи – подобны плечам соболя, а грудь – груди медведя», то миропонимание жырау очищено от древних тотемистических воззрений. Но даже в этом случае их герой отличается от рядовых людей. Например, в монологической «Хвалебной песне» Казтуган жырау Суюнишулы [6, с. 28] художественный образ поэта-воина, описанный цельно, крупно и рельефно, вобрал в себя метафорический словесный ряд, выпестованный кочевническим бытом: *«қойдың көсемі»* («предводитель отары овец»), *«қашағанның ұзын құрығы»* («длинный укрюк для ловли строптивых коней»), *«қалайылаған қасты орданың сырығы»* («оловинированный шест, служащий подпоркой для огромной юрты (ханской орды) во время сильного ветра»), *«буыршынның бұта шайнар азуы»* («острый клык пятилетнего верблюда-самца для жевания куста»), *«бидайықтың көл жайқаған жалғызы»* («ястреб, единолично властвующий над гладью озера»). В этом одиннадцатистроичном шедевре, созданном импровизационным талантом Казтугана, батыр еще равносителен демиургу или шаману (*«Бұлұт болған айды ашқан, Мұнар болған күнді ашқан»* // «Открывший луну, покрытую тучами, Открывший солнце, открытое белёсой дымкой») и в тексте толгау появляется доселе неизвестный – мотив жречества (*«Мұсылман мен кәуірдің // Арасын бұзып өтіп дінді ашқан // Сүйінішұлы Қазтуған!»* // «Убрав все препятствия на пути, Открывший религию между мусульманином и гяуром (иноверцем), Это – Суюнишулы Казтуган!»), который

характеризует мировоззренческую позицию жырау-мыслителя. Художественное отображение духовного и физического превосходства батыра в таком гармоничном сочетании явилось новшеством для казахской поэзии.

Еще один знатный поэт ногайлинской эпохи Шалкииз Тиленшиулы в своем произведении в жанре толгау (стихотворение-размышление) перечисляет атрибуты, присущие доблестному батыру. Во-первых, это – боевой конь («*Жебелей жебе жүгірген, Ерлердің аргымақтан игі малы болар ма?* //» Разве найдется для воина животное дороже аргмака, стремительно скачущего как стрела?»), во-вторых, кольчуга («*Жағаласса жыртылмас, Ерлердің жеңсізден игі тоны болар ма?*» // «Разве для воина найдется одежда дороже безрукавого панциря, не рвущегося в рукопашной схватке?»), в-третьих, меч («*Дулыгалы бас кескен, Ерлердің алдаспаннан игі қолы болар ма?*» // «Разве может воину что-нибудь заменить руку кроме меча, отсекающего одетую в шлем голову?»). Вдобавок ко всему этому, жырау считает, что судьба воина predetermined сверху и находится в распоряжении небесных сил:

... Кешу кешмек сайдан-дүр,
(Переправа в брод зависит от оврагов),
Батыр болмақ сойдан-дүр.
(Батырство заложено в генах).
Жалаңаш барып жауга ти,
(С голой грудью нападай на врага),
Тәңірі өзі біледі
(Одному Тенгри известно),
Ажалымыз қайдан-дүр!
(Откуда нам грозит смерть!) [6, с. 36]

...Мен ісімді
(Я свои деяния)
Хаққа тапсырғанмын һәр жерде
(доверял Всевышнему в различных ситуациях) [6, с. 39]
(подстрочный перевод)

Крупный знаток монголо-ойратского героического эпоса, академик Б.Я. Владимирцов в свое время написал: «Настоящий витязь тот, кто осознал, почувствовал себя богатырем, понял свое богатырское призвание, кто открыто выступил на этот путь «богатырства». Поэтому богатырь должен быть не только силен, но и беззаветно храбр, храбр

и настойчив в достижении поставленной цели, он не должен знать никаких колебаний; твердость, верность замыслу или слову – первая добродетель, отличительная особенность богатыря героической эпопеи» [1, с. 360].

В неукоснительном соблюдении кодекса чести и долга воину диктовали свои условия «неписанные» степные законы. Смерть на поле брани – удел праведных воинов. Такова формула фатализма. «Его костям место в поле, как и костям его сотоварища – боевого коня. Лишняя горсть праха, несколько лишних капель крови на земле – так и должен кончать жизнь мужчина! Позор – умереть в юрте от старости и болезней» [5, с. 113]. Этот дух воспет в поэзии Доспамбет жырау:

Екі арыстап жау шапса,

(Если враг нападет с удвоенной силой)

Оқ қылқандай шаныылса,

(Если стрела вонзится как игла)

Қан жусандай егілсе,

(Если кровь хлынет ручьем)

Аққан судай төгілсе,

(И побежит как водный поток)

Бетегелі Сарыарқаның бойында

(На возвышенности ковыльной Сарыарки)

Соғысып өлген өкінбес!

(Кто погибнет в бою, тот не жалеет!) [6, с. 31].

(подстрочный перевод)

Смерть, постигшая в домашних условиях от старости или болезни, воспринималась как недостойная участь батыра. Поэтому только об одном жалеет девяностолетний Ахтамберды жырау Сарыулы: «*Бар арманым, айтайын, Батырларша жорықта Өлмедім оқтан, қайтейін!..*» («Не исполнилась моя сокровенная мечта, Я не был сражен стрелой как батыр во время похода, И что ж мне делать!...») [6, с. 68].

Если в традиционном эпосе обычно рядом с главным героем находится «второстепенный» герой – его преданный боевой товарищ или он окружен разными помощниками, имеющими свои «функциональные обязанности», то в поэзии жырау нередко преобладает *мотив одиночества (одинокости)* батыра. Гиперболизированный богатырь эпических сказаний «один был равен тысяче»; он отправляется в походы один и в одиночку уничтожает многочисленное войско врага. А

облик батыра в произведениях жырау хоть и окружен особым ореолом, все равно не обладает сверхъестественными, сверхчеловеческими свойствами. Жырау не воспевали мифологизированных героев, а излагали в своих толгау о реальных боевых действиях, в которых принимали участие батыры. Примечательно, что в стихотворениях, затрагивающих тему одиночества героя, появляются начальные признаки интериоризации индивидуальных чувств поэта.

Доспамбет:

*Жагдайсыз жаман қалып барамын,
(Остаюсь в ужасно заброшенном состоянии),
Жанымда бір туганның жоғынан,
(От того, что рядом нет близкой родни) [6, с. 33].*

Шалкииз:

*Туганы жоқ жалғызға,
(Одинокому герою, не имеющему близкой родни),
Көп ішінде суырылып,
(Выделяясь из массы),
Жауға шаппақ не керек!
(Зачем нападать на врага!) [6, с. 40].*

Ахтамберды:

*Атадан жалғыз туганның
(У единственного наследника отца)
Жүрегiнiң бастары
(Сердечная сумка)
Сары да жалқын су болар,
(Переполнена желто-серозной жидкостью),
Жалғыздық, сені қайтейiн?!
(Как мне быть с тобой, одиночество?!)
...Жағама қолдың тигенiн
(...То, что хватают меня за шиворот)
Жалғыздық, сенен көремiн.
(Причину нахожу в тебе, одинокость) [6, с. 58].
(подстрочный перевод)*

Что интересно, напротив, в поэзии акынов XIX века часто встречается способ идеализации батыра, который воюет в одиночку с сонмом вражеских полчищ. Например, в своем развернутом толгау «Сураншы батыр» поэт Суюнбай Аронулы повествует о подвиге

богатыря, который одерживает победу над пятитысячным войском завоевателей – кокандцев. Но в отличие от эпического героя, в конце битвы Сураншы батыра настигает смерть на поле брани [8, с. 129-131]. Возникает вопрос: в чем заключалась «постановка» такой «ретроспективной сцены» в жанре эпики для возвеличивания смертного героя? По нашему мнению, есть два ответа; во-первых, в художественном арсенале акынов всегда имелся готовый набор эпических клише для описания батыра, использование которого являлось данью поэтической традиции; во-вторых, обращение к героическому прошлому предков («золотой век») позволяло поэту найти быстрый контакт со слушательской аудиторией, которая была настроена на ностальгически-утопический лад и жаждала появления своего батыра-спасателя.

Предопределенность судьбы, соблюдение воинской чести и общественного долга, защита родной земли от посягательств врага, сакральная жертвенность и одиночество – эти темы и мотивы, раскрывающие суть концепта «батыр», находят свое дальнейшее продолжение в стихотворениях казахских акынов XIX века (Махамбет Утемисулы, Шернияз Жарылгасулы, Суюнбай Аронулы и др.), переживая процесс художественной трансформации в новых социально-политических условиях. К тому времени Казахское ханство ушло с исторической сцены. Настал период национально-освободительных движений. Претерпел изменение пространственно-временной фон, на котором разворачивались исторические события. Общественные и культурные реалии внесли существенные коррективы в сознание творческих личностей, в том числе народных поэтов-акынов. Образ батыра тоже был модифицирован.

В контексте усиления колониального гнета царского правительства в Степном крае, у поэтов течения «зар заман» («эпоха скорби») классический образ батыра теряет свою актуальность. Например, в стихотворениях яркого представителя этой плеяды акынов Дулата Бабатайулы встречаются следующие выражения, характеризующие эту тенденцию: «*Ер шөгіп, есер ержетті*» («Герой поник, а вырос самодур»), «*Батыры көксер – бас аман*» («Мечта батыра – быть живым и здоровым»), «*Шетке қарсы тұратын, Ішіңнен шыққан адам жоқ*» («Среди масс нет человека, Могущего противостоять внешним силам»), «*Осындай заман кез болды, Ер дегенің ез болды*»

(«Настали смутные времена, Герой превратился в горемыку»). Таким образом, наступил момент, описанный классиком литературы Абаем Кунанбаевым: «У батыра рождается хвастливый сын – барымтачи» («*Батырдан барымташы туар даңғой*»). (Барымтачи – это угонщик табунов, совершающий набег на кочевья с целью самовольного захвата скота обидчика или враждующей стороны.)

Видный казахский ученый-лингвист начала XX века Халел Досмухамедулы назвал феномен, характеризующий суть и содержание процесса распада института батыров, а также его пагубные последствия, термином «*аламандық*» («самоуправство»/ «самодурство») и посвятил этой теме специальную статью [2, с. 147]. Надо сказать, что это явление тоже нашло свое художественное отражение в казахской поэзии XIX века.

Источники и литература

1. Владимирцов Б. Работы по литературе монгольских народов. М.: Вост. лит., 2003. 608 с.
2. Досмухамедулы Х. Аламан. Алматы: Ана тили, 1991. 176 с. (на каз.яз.)
3. Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
4. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
5. Нурмагамбетова О. Казахский героический эпос «Кобланды батыр». Алматы: Дешти Кыпшак, 2003. 480 с.
6. Поэты пяти веков: Антология казахской поэзии в 2-х томах. Т.1. Алматы: Жазушы, 1989. 384 с. (на каз.яз.).
7. Поэты пяти веков: Казахская поэзия XV начала XX веков. Алматы: Жазушы, 1993. 336 с.
8. Суюнбай. Избранные произведения. Алматы: Билим, 1996. 152 с. (на каз.яз.)

© А.Ж. Шарип, 2019